ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ В ИЗОБРАЖЕНИИ ГЕРОЕВ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО И А. КАМЮ

Старший преподаватель ФерГУ, д.ф.п.ф.н. (PhD) Ходжаева Наргиза Таваккаловна

Магистрантка 1 курса ФерГУ , Абдулазизова Мохируй Шухрат кизи

Аннотация. *В статье рассматриваются типологические параллели в изображении центральных героев в произведениях Ф. М. Достоевского и А. Камю. На материале романов «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы», «Бесы» и «Посторонний», «Чума», «Падение» анализируются общие черты в концепции личности: экзистенциальная отчуждённость, бунт против мироустройства, проблема вины и ответственности, а также столкновение героя с абсурдом бытия. Исследование основывается на сравнительно-типологическом методе и позволяет установить как генетическую, так и типологическую связь между двумя традициями. Выявлены сквозные мотивы «подпольного» сознания, нравственного испытания и невозможности подлинной коммуникации, объединяющие образные системы обоих писателей.*

Ключевые слова: *Достоевский, Камю, типологические параллели, экзистенциализм, абсурд, образ героя, бунт, отчуждение, сравнительное литературоведение.*

Введение

Вопрос о влиянии Ф. М. Достоевского на западноевропейскую литературу XX века является одним из центральных в современном компаративистском литературоведении. Среди наиболее ярких свидетельств этого влияния — творчество французского писателя и философа Альбера Камю, который неоднократно обращался к произведениям русского классика в своих эссеистических и художественных текстах. В «Мифе о Сизифе» Камю прямо называет Достоевского писателем абсурда, видя в его героях

людей, достигших крайней точки экзистенциального кризиса [1]. Это обстоятельство определяет не только рецептивный, но и типологический характер связей между двумя художественными системами.

Цель настоящей статьи — выявить и систематизировать типологические параллели в изображении героев произведений Ф. М. Достоевского и А. Камю. Объектом исследования служат романы «Преступление и наказание» (1866), «Братья Карамазовы» (1880), «Бесы» (1872) и «Посторонний» (1942), «Чума» (1947), «Падение» (1956). Методологической базой работы являются сравнительно-типологический и структурно-семантический методы, а также элементы экзистенциально-философского анализа.

1. Герой перед лицом абсурда: Раскольников и Мерсо

Одним из ключевых типологических совпадений в творчестве Достоевского и Камю является образ героя, поставленного перед лицом бессмысленного, абсурдного мира. Родион Раскольников в «Преступлении и наказании» и Мерсо в «Постороннем» — оба принадлежат к типу персонажей, оказавшихся вне общепринятой системы ценностей. Их объединяет острое ощущение разрыва между собственным «я» и социальной реальностью, невозможность органического включения в коллективную жизнь.

Раскольников создаёт теорию, согласно которой «необыкновенный» человек вправе преступить нравственный закон во имя высшей цели. Однако, совершив убийство, он обнаруживает, что мир не подчиняется его схеме: вместо торжества воли он переживает распад личности. Мерсо, напротив, не строит никаких теорий: он просто фиксирует происходящее с холодной отстранённостью, в которой Камю воплощает позицию «абсурдного человека». Тем не менее оба героя совершают убийство, и оба оказываются на суде — не только юридическом, но прежде всего экзистенциальном [2].

Принципиальное различие состоит в следующем: Раскольников в итоге приходит к раскаянию и принятию страдания как пути к нравственному возрождению — в полном соответствии с христианской антропологией Достоевского. Мерсо же до конца остаётся верен своей «честности», отказываясь от лицемерного раскаяния. Тем не менее оба варианта — это способ ответить на один и тот же вопрос: как человек может сохранить подлинность перед лицом абсурда? Именно эта общая проблема определяет типологическое родство образов [3].

2. Мотив бунта: Иван Карамазов и герои Камю

Особое место в типологических параллелях занимает мотив бунта. Иван Карамазов в «Братьях Карамазовых» является, пожалуй, наиболее очевидным предшественником экзистенциальных героев Камю. Его знаменитый «бунт» против миропорядка, в котором страдают невинные дети, — это интеллектуальный и нравственный протест, отказ принять «гармонию», купленную ценой хотя бы одной детской слезы [4].

Камю в «Бунтующем человеке» (1951) напрямую обращается к образу Ивана Карамазова, усматривая в нём первую формулу метафизического бунта. По мысли Камю, Иван «отвергает спасение» и тем самым открывает путь к той нигилистической логике, которая в XX веке приведёт к тоталитарным катастрофам [5]. Доктор Риё в «Чуме» бунтует иначе: не против Бога и мирового зла абстрактно, а против конкретной смерти конкретных людей. Его бунт лишён метафизической патетики, но не менее последователен: он отказывается смириться с «нормой» смерти и продолжает борьбу, не питая иллюзий относительно её исхода.

Сопоставление Ивана Карамазова и Риё позволяет увидеть, как экзистенциальная проблематика трансформируется от религиозно-метафизического регистра Достоевского к атеистически-гуманистическому регистру Камю. При всём различии мировоззренческих позиций оба героя воплощают один тип — человека, который не может и не хочет принять мир

таким, каков он есть, и именно в этом несогласии обретает нравственное достоинство [6].

3. «Подпольный» человек и феномен отчуждения

«Записки из подполья» (1864) Достоевского нередко называют первым в европейской литературе текстом, в котором разворачивается феноменология отчуждённого сознания. «Подпольный» человек страдает от невозможности подлинной коммуникации, от разрыва между идеалом и действительностью, от болезненного самолюбия и одновременного презрения к себе. Этот образ оказал мощное влияние на всю экзистенциалистскую традицию, включая Сартра и Камю [7].

В «Падении» Камю создаёт образ Жан-Батиста Кламанса — персонажа, исповедь которого строится на тех же механизмах, что и монолог «подпольного» человека: самоанализ, граничащий с самобичеванием, риторическое самоутверждение через демонстрацию собственного ничтожества, попытка вовлечь читателя/слушателя в круговую поруку вины. Оба персонажа — фигуры, у которых рефлексия окончательно вытеснила способность к живому действию и искреннему чувству [8].

Принципиальный параллелизм обнаруживается и на уровне нарративной стратегии: оба текста построены как монологическая исповедь, обращённая к молчащему собеседнику. Это создаёт эффект замкнутости сознания в себе самом — ситуацию, которую Достоевский описывал как «подполье», а Камю — как экзистенциальное одиночество абсурдного человека.

Заключение

Проведённый сравнительно-типологический анализ позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, между героями Достоевского и Камю существуют устойчивые типологические параллели, обусловленные как прямым влиянием русского писателя на французского (о чём свидетельствуют тексты самого Камю), так и общим исторически-

культурным вектором, направленным к осмыслению экзистенциального кризиса европейского человека.

Во-вторых, ключевыми типологическими инвариантами выступают: образ героя, отчуждённого от социума и мироустройства; мотив бунта как онтологической позиции; проблема вины и ответственности в условиях разрушения традиционных нравственных оснований; нарратив исповеди как единственного способа самовыражения замкнутого в себе сознания.

В-третьих, принципиальное различие двух художественных систем состоит в финальных ценностных горизонтах: Достоевский выводит героя к возможности нравственного возрождения через страдание и веру, тогда как Камю утверждает достоинство человека в осознанном принятии абсурда без иллюзий и без капитуляции. Именно это противоречие — при всём сходстве исходных постановок вопроса — делает диалог двух писателей одним из наиболее продуктивных в истории мировой литературы.

Список литературы

1. Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде / пер. с фр. А. Руткевича. — М.: АСТ, 2018. — 256 с.

2. Сартр Ж.-П. Объяснение «Постороннего» // Иностранная литература. — 2000. — № 10. — С. 214–224.

3. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. — М.: Художественная литература, 1972. — 470 с.

4. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Полное собрание сочинений: в 30 т. — Л.: Наука, 1976. — Т. 14. — 511 с.

5. Камю А. Бунтующий человек / пер. с фр. И. Я. Волевич. — М.: Политиздат, 1990. — 415 с.

6. Евнина Е. М. Проблема нигилизма в творчестве Камю и Достоевского // Вопросы литературы. — 1969. — № 4. — С. 93–118.

7. Ермилова Г. Г. «Подпольный человек» Достоевского и экзистенциализм // Достоевский: Материалы и исследования. — СПб.: Наука, 2001. — Т. 16. — С. 211–229.

8. Великовский С. И. В поисках утраченного смысла. Очерки литературы трагического гуманизма во Франции. — М.: Художественная литература, 1979. — 295 с.